

В наше время значительно расширяется контингент людей, посещающих зарубежные государства в качестве гостей, туристов или деловых партнеров. В международный бизнес активно включается всё большее число людей, и хотя участники международного общения придерживаются в общем-то сходных этических норм и правил, тем не менее национальные и культурные особенности могут быть весьма значимыми при межличностных и деловых связях.

Обычно при совпадении интересов сторон различия национального характера, манер поведения и образа мышления заметно не проявляются. Однако стоит только возникнуть разногласиям или конфликтам, как эти различия начинают играть важную роль. Таким образом, необходимо быть готовым к непредвиденным действиям, поступкам, решениям со стороны иностранных коллег и заблаговременно выработать оптимальную тактику и стратегию во взаимоотношениях с ними. А для этого надо знать особенности их национального характера, специфику образа жизни и манеры поведения.

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М., 1980.
2. Крысько В. Г. Социальная психология: Учебник для вузов. – М., 2002.
3. Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. – М., 2002.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. – М., 1996.
5. Сухарев В. А., Сухарев М. В. Европейцы и американцы глазами психолога. – Мн., 2000.
6. Шейнов В. П. Как управлять другими, как управлять собой. – Мн., 1996.

*Крюков В. М., Коклюхин В. В., Шаш С. Д.
(г. Брест, БрГУ им. А.С. Пушкина)*

ФИЛОСОФИЯ ИЛИ ФИЛОСОФИИ: ЕДИНСТВО И РАЗЛИЧИЕ ПРЕДМЕТНОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ

*Быть может, необходимое
и не необходимое
суть начала бытия или небытия всего,
а остальное должно рассматриваться
как следствия из них.*

Аристотель

Великий немецкий философ Иммануил Кант, 200-летие со дня смерти которого исполнилось в этом году, по признанию В. Н. Кузнецова, был одним из тех философов периода Просвещения, которые хорошо сознавали значение своих радикальных новаций в философской мысли. Кант полагал, что преодолевая господствующую в Германии лейбнице-вольфианскую «метафизику», он совершает «коперниканскую революцию» во всей предшествующей философии.

Не в меньшей мере оценивали смысл и значение своих идей для философии И. Фихте, Г.-В. Ф. Гегель, Л. Фейербах и др. Так Фихте был убежден, что его философское «наукоучение» равнозначно значению Великой французской революции для социально-политической истории человечества. Как отмечает В. Н. Кузнецов, «согласно Гегелю, в созданной им системе «абсолютного идеализма» человеческая мысль впервые навсегда обрела абсолютную истину». По мнению Фейербаха, возмещаемая им «антропология», революционно «перевертывающая» гегелизм, означает в то же время глобальный конец философии в прежнем её понимании» [2, 9-10].

Приведённые оценки немецкими мыслителями отношения разрабатываемых ими философских систем к ранее существовавшим и существующим, свидетельствуют не только о глубоком осознании ими динамики, подвижности, изменчивости содержания и направ-

ленности философской мысли вообще, но и об осознании ими проблемы предметного самоопределения философии как особой сферы знания, свидетельствуют об осознании ими проблемы, которая будет неоднократно возникать позже и возникает ныне.

Об этом красноречиво свидетельствует следующее высказывание немецкого мыслителя 19-го века Ф. Шлегеля: «не существует ещё одной – единственной философии, не существует ещё и одного – единственного философского языка, но каждая философия имеет собственный» [5, 88]. Стоит также напомнить о позиции радикальной непримлемости всей предшествующей «метафизической» философии, характерной для позитивизма, утверждавшего науку в качестве подлинного предмета философской мысли для себя, и резервирующего в 19-20 столетии науку в качестве единственно истинного предмета для философии вообще. Со специфических, а именно, идеологических позиций, в бывшем социалистическом лагере в качестве единственно истинной принималась марксистская трактовка предмета и метода философии, при этом всякая иная философия отвергалась как ненаучная.

В своё время вопрос о динамике развития философии, её предмета и функций от зарождения философии до наших дней рассматривался нами в ряде публикаций [1]. В этих работах проводилась мысль о возможности проследить определённую закономерность в изменении предмета философии и способа философствования, связанную с изменением, сменой мировоззренческих констант (идея о мировоззренческих константах принадлежит С. Д. Шашу).

Авторами, в частности, отмечалось, что в истории философской мысли можно выделить периоды подъёма и периоды спада интереса философов к тем или иным, ранее составлявшим предмет их пристального внимания аспектам действительности. В такие периоды философское мышление как бы теряло само себя. Множество различных школ, направлений, течений в философии в таких случаях свидетельствовало не столько о росте, богатстве идей, сколько о растерянности, о невозможности адекватно выразить актуальную, включающую в себя самого субъекта познания (философа) действительность.

Эта невозможность обуславливалась не только кардинальным изменением условий жизни людей, на что указывают обычно те историки философии, которые жестко детерминируют развитие духовной жизни общественно-экономическими, или, в более широком плане, социо-культурными факторами (условиями), но и исчерпанием потенциала, применяемого в конкретный исторический период способа философствования, имеющего свою гносеологическую и онтологическую составляющие. В такие периоды происходит «исчерпание гносеологических полей», исчерпание, питавшей ранее философский поиск, проблематики – онтологической, логической, социальной и т. д. в её соответствующих определённым для данного периода, мировоззренческим константам, формам.

Заметим, что возникновение новых гносеологических полей, новой проблематики познания, влекущей становление нового предмета и способа философствования нередко трактуется как разрушение прежней философии, прежней, ранее господствующей философской системы. Фихте, например, писал, «какую кто философию выберет, зависит от того какой кто человек... Философом – если идеализм должен оказаться единственной истинной философией, – философском нужно родиться, нужно быть к тому воспитанным и самого себя воспитать» [4, 424].

Оставаясь на указанных выше позициях в понимании направленности и характера изменения предмета философии, а также способа философствования в целом, нельзя, в частности, не обратить внимания и не оценить соответствующим образом, наблюдаемую в последние постперестроечные годы тенденцию в функционировании философской мысли. Суть последней можно было бы определить как дисперсию предмета философий на социокультурном пространстве жизнедеятельности современного человека, широко простирающемся в самых различных измерениях: биологическом, экономиче-

ском, нравственном, экологическом, правовом, политическом, религиозном, психическом, семиологическом и других.

Указанная дисперсия предмета философии, подтверждая, что развитие философской мысли в наши дни отнюдь не сняло проблемы существования одной философии с одним предметом или многих философий с их собственными предметами, связана, на наш взгляд с тем, что универсализм, присущий изначально философии и ведущий к постоянному расширению её проблемного поля, имплицитно содержит возможность противопоставления, конкуренции «кристаллизующихся», вырастающих на решении отдельных философских проблем систем философского знания, претендующих на самостоятельность, на обладание собственным предметом исследования, претендующих порою не только на статус быть скромным философским осмыслением проблемы, явления, процесса и т. д., но быть, в конечном счете, истинной, последней философией вообще, быть воплощенной воочию мудростью человека.

Возникает вполне правомерный вопрос: не утрачивается ли в условиях такого рода дисперсии предмета философии функциональный её статус как формы мировоззрения? Ведь мировоззренческая, ориентационная, методологическая и иные функции присущи философии и эффективны в их практической реализации лишь в условиях системной структурированности, организованности философского знания как единого целого, как одной философии, что в действительности не наблюдается. В действительности наблюдается стремление философов выйти в такие предметные области, в свете изучения которых предшествующее философское знание меркло бы как устаревшее и отжившее.

Появление бесчисленного множества философий имеет и вполне понятные причины, являясь во многом следствием дифференциации научного знания, из условий которой философия выступает специфическим способом легитимации интереса исследовательской мысли к социо-культурным феноменам, так или иначе проявившим себя в общественной практике и невяно, но все же достаточно ощутимо означивших свою претензию на включение их в арсенал познавательной деятельности в качестве необходимых средств, оснований, предпосылок и т. д. движения мысли к новому знанию о мире, природе, обществе, человеке.

В науке подобная ситуация ничуть не ведёт к разрушению её целостности, поскольку функции и критерии науки, понятие которой является, как известно, несобирательным, распространяются без каких бы то ни было изъятий на любую отрасль научного знания: физика - столь же наука, сколь наукой являются математика, биология, геология, химия, социология и т. д. В отношении философии этого не скажешь. Тогда как наука стремится стать единой системой знания, строящейся на единых основаниях (достаточно указать здесь на непрекращающиеся попытки физиков построить единую теорию физического знания, а также на имевшую место в сравнительно недавнем прошлом попытку математиков свести всё математическое знание к логике), в самой специфике философского знания содержится нечто, заставляющее её противоречиво стремиться к тому, чтобы быть одновременно единым, целостным и в то же время активно независимым от единого, быть отдельным. Принадлежать единой философии и в то же время своим отдельным, отозненным от единого, целостного бытия философии бытием стремиться исчерпать всю философию.

Характеризуя поставленную проблему, мы намерены не столько дать здесь её готовое решение, сколько высказать некоторые предварительные замечания по поводу её существования.

Так, во-первых, на наш взгляд, расширение области определения предметной деятельности философии можно трактовать сегодня как своеобразное признание роли философского мышления в исследовании проблем и явлений, относительно которых не может быть применен, пока, ныне существующий арсенал научных средств познания. Вместе с тем нельзя исключать того, что именно в силу определенного отличия философии и науки как форм общественного сознания, парадигмальный феномен, выражающийся в том, что отдельные проблемы, представляющие особый интерес для философов, способны стать

главным структурирующим элементом всей системы философского знания, сможет оказаться решающим для изменения предмета философии в целом.

Во-вторых, в различных своих проявлениях, будучи применённой к самым необычным сферам, сторонам действительности, философия не обязана утрачивать её атрибутивные качества и, прежде всего, качества быть метазнанием, быть знанием о знании; реализующим сущностную интенцию: познать в единичном общее и всеобщее, вывести единичное из общего; будь этим единичным, или, иначе, будь этим предметом философского осмысления язык, понимание, текст, жизнь; ризома, свобода, воля, элемент, монада, роза, безопасность, и т. д.

В-третьих, в поисках определённости, отвечающей потребностям и вызовам современного этапа развития мирового сообщества, становящегося все более коммуникативным, мобильным в обмене, переработке, и наращивании информации, философия вынуждена лавировать между необоснованно навязываемыми ей стереотипами: быть средоточием абсолютной мудрости, последним её оплотом и авторитетом и, быть одним из унаследованных от предыдущих поколений предрассудков мышления, девальвирующим тем быстрее и основательнее, чем неординарнее и претенциознее будут попытки философов найти новую парадигму предмета философии, например, в постмодернистском шизоанализе или в постмодернистской же установке, обозначаемой как «смерть субъекта», задающей возможность формирования ризоморфных художественных сред.

В-четвертых, дело здесь, конечно, не столько в стремлении философов найти оригинальный ракурс видения и исследования действительности, что само по себе и оправданно и необходимо. Ибо, как писал, В. В. Зеньковский «в строгом смысле, оригинальность; как полная новизна идей до такой степени редка, что если бы в сферу изучения попадали лишь оригинальные построения в строгом смысле слова, то не нашлось бы и десятка параграфов в изложении истории философии» [2, 17].

Дело, на наш взгляд, в ином, в том именно, что представление о хаосе, рождающем порядок, столь значимо вошедшее в философское мышление во второй половине 20-го века, не является исчерпывающим. Не менее философски и методологически важным является иное представление: хаос не рождает порядок (или: порядок не рождается из хаоса, как и не рождает хаос) поскольку порядок столь же всегда наличествует в хаосе; сколь всегда хаос присутствует в порядке.

Сказанное можно пояснить следующим образом. Процессы, отношения, комбинации, корреляции, когеренции и т. д. и т. п. бесконечного многообразия бесчисленного же множества элементов, составляющих универсальное бытие, являют собой действительное и возможное наложение, пересечение, взаимодействие, закономерностей, необходимостей разного рода (линейных и нелинейных; дальнедействующих и близкодействующих; повсеместных и локальных; долговременных и мгновенных; сильных и слабых; прерывных и непрерывных и т. д.) здесь и сейчас, точно также как всюду и всегда.

Мысль человека не в состоянии «схватить» всю картину в её целостности, полноте («видеть всё, значит, не видеть ничего», конкретности. Наше видение действительности, наше осмысление её избирательно, и потому мы видим всё либо в крайностях (или мир есть логос, порядок – или мир есть хаос, неопределенность, беспорядок), либо в абстрактной диалектике перехода, преобразования, превращения одного в другое: хаоса вообще в порядок вообще, и, наоборот, порядка вообще в хаос вообще.

Внедренность исторически развивающегося философского сознания в универсальное Бытие позволяет, тем не менее, ему не только задуматься, но и додуматься до того, что не дано сознанию в явном виде, что лишь промышляется им в виде отдельных закономерностей и случайностей наличного бытия. В стремлении выйти к целостному, интегральному знанию о мире человек посредством философского мышления «пробует, испытывает различные точки зрения» на мир, пытается увидеть целостность объекта (Бытия) через его предметную еди-

ничную явленность. Выстраивая при этом с различных предметных точек зрения все новые и новые концепции (философии) действительности, философия, в конечном счете, устремлена к отысканию, построению такой теоретической модели, которая бы в противопоставление лейбницевому признанию действительного мира в качестве наилучшего из возможных, представила бы наилучший из действительно возможных миров.

Лапласу для того, чтобы перевернуть мир, нужна была одна точка опоры. Философия, чтобы усмотреть в хаосе бытия действительно возможный наилучший порядок, вынуждена стремиться увидеть мир с самых необычных точек зрения, идя по пути бесконечного умножения предмета своего непосредственного внимания.

Вряд ли будет ошибочным, в связи с этим, утверждение о том, что философский разум, априорирующий всякий раз новое, подходящее к тому основание (предмет философского мышления) может додуматься до сколь угодно совершенного порядка вещей, вполне практически реализуемого именно потому, что существует бесчисленное множество возможных, допустимых бытием, но не раскрытых ещё разумом порядков.

В движении к этой цели разум рождает, рождает и будет рождать новые философии со своими, соответствующими им предметами и способами философствования как необходимые средства мировоззренческой ориентации человека в универсуме здесь и сейчас, всегда и всюду.

1. Акинчиц И. И., Крюков В. М., Шаш С. Д. О природе философского догматизма и формулировке предмета философии // Казимир Лыщинский и современность. Сборн. научн. трудов. - Брест, 1993.
2. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1.
3. Кузнецов В. Н. Немецкая классическая философия второй половины 18 – начала 19 века. - М., 1989.
4. Фихте И. Г. Первое введение в наукоучение // Избр. соч. - М., 1916. Т. 1. С. 424.
5. Шлегель Ф. История европейской литературы // Эстетика. Философия. Критика. Т. 2. - М., 1983.

Ставский В. Н. (г. Могилев, МГУ им. А. А. Кулешова)

ПРОБЛЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ТЕОРИИ РАЛЬФА ДАРЕНДОРФА

Ральф Дарендорф – известный немецкий социолог и политолог, получивший широкую известность с конца 50-х годов как автор теории социального конфликта. Он внёс большой вклад в развитие конфликтологического направления в социологии. В своих основных трудах «Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе», «Общество и свобода», «Тропы из утопии», «Современный социальный конфликт» он рассматривает социальный конфликт как движущую силу истории. На формирование теории Р. Дарендорфа оказали влияние труды К. Маркса, М. Вебера, Т. Парсонса, а также та социальная и политическая действительность, которая сложилась в Европе и мире после второй мировой войны.

Р. Дарендорф известен также как политик и государственный деятель ФРГ. В своё время, занимая пост директора Лондонской экономической школы, он сотрудничал с лейбористским премьер-министром Великобритании Дж. Каллогеном.

В своей теории Р. Дарендорф рассматривает конфликт как источник изменений форма совершенствования общественных отношений. Им была предложена конфликтная модель общества, которая включает четыре положения:

- Каждое общество находится в состоянии изменения.